Ив. А. Бунинъ — СТРАНСТВІЯ

I.

...Этого старичка я узналъ прошлой зимой. Прошлая зима была особенно страшна. Тифъ, холодъ, голодъ... Дикая, глухая Москва тонула въ такихъ снѣгахъ, что подвагонъ казалось выйти на улицу. Да никто и не выходилъ безъ самой крайней необходимости.

Я искалъ его по одному дѣлу. Узналъ на конецъ, что онъ все тамъ же, обитаетъ въ томъ же домѣ, гдѣ было прежде нѣкоторое государственное учрежденіе, при которомъ состоялъ онъ. Теперь этотъ громадный домъ пустъ и мертвъ. Я вошелъ въ раскрытыя ворота и остановился, не знаю, куда итти дальше. Но, по счастью, за мной вошелъ какой то мальчишка, который что то несъ съ собой. Оказалось, что мальчишка идетъ какъ разъ къ старичку, несетъ ему пшенной каши: старичекъ очень голодалъ, питался только тѣмъ, что присылалъ ему иногда, по старой дружбѣ, отецъ мальчишки. Пошли вмѣстѣ, вошли въ подвальный этажъ дома, долго шли по какому то подземелью, постучали наконецъ въ маленькую дверку. Она отворилась въ низокъ подъ каменнымъ сводомъ. Въ низкѣ было очень жарко: по срединѣ стояла желѣзная печка, до красна раскаленная. Старичекъ поднялся мнѣ навстрѣчу на растоптанныхъ, трясущихся ногахъ и сказалъ нѣчто совершенно непривычное теперь для слуха: «Имѣю честь кланяться»! Выцвѣтшіе, слезящіеся глаза, сѣрыя бакенбарды; давно небритый подбородокъ заросъ густыми молочными волосами.

Весь низокъ, всѣ стѣны сплошь увѣшаны яркими лубочными картинами — святые, пятнаемые мученики, блаженные и юродивые, виды монастырей, пустынь, скитовъ: цѣлая стѣна занята большимъ кіотомъ съ нестерпимо блестящими золотыми образами, передъ которыми разноцвѣтно теплятся лампадки — зеленыя, малиновыя, голубыя. Углы завалены духовными книгами, житіями. Запахъ лампаднаго масла, кипариса, воска и жаръ отъ печки были тоже нестерпимы.

— Да-съ, тепло! — сказалъ, грустно усмѣхаясь, старичекъ. — Не въ примѣръ всей Москвѣ, на холодъ не пожалуюсь. Всѣми, слава Богу, забытъ въ этомъ полномочіи, даже почти никто и не подозрѣваетъ, что я здѣсь уцѣлѣлъ. Не знаетъ никто и про тотъ тайный запасъ дровецъ, что остался здѣсь, въ нѣкомъ подвальчикѣ. Вотъ и тепло и сижу, какъ въ криптѣ или катакомбѣ. Здѣсь, даетъ Богъ, вскоротѣ и окончу свое земное существованіе. Очень сталъ хилъ и начелось. Времена опять заняли темныя, жестокія и, думаю, надолго. Какъ волка на коромъ, онъ все въ лѣсъ смотритъ. Такъ и Россія: вся наша исторія — шагъ впередъ, два назадъ, къ своему исконному — къ дикому мужичеству, къ разбитому корыту, къ лыковому лапти. Помните? «Было сталъ загаженъ въ кремлевскихъ палатахъ колодцами, что темнѣли на иконахъ рожи...». Такими палатами и стала снова Россія, оправдывающая нынѣ слово преподобнаго Исаака Сирина: «Песъ, лижущій пилу, пьетъ собственную кровь и изъ за сладости крови своей не сознаетъ вреда себѣ...». Впрочемъ, все это вамъ и безъ меня хорошо извѣстно. Перейдемъ къ дѣлу: я весь къ вашимъ услугамъ, но чѣмъ именно могу служить?

...Весной онъ умеръ. Въ одно изъ нашихъ послѣднихъ свиданій онъ говорилъ мнѣ:

— Знаете ли вы это чудное сказаніе? Забѣжала шакалка въ пещеру Іоанна Многострадальнаго и разбила его свѣтильникъ, стоявшій у входа. Святой, сидя ночью на полу темной пещеры, горько плакалъ, занявъ впередъ ногу, съ бѣшеной страстью жметъ и бьетъ смычкомъ по скрипкѣ, и сплетъ въ обмоткахъ, тупо ревущій на громадной гармоніи, поставленной на приподнятое колѣно...

Есть мѣсти изъ нашихъ мѣстъ — изъ города и изъ деревни: и тамъ были. Недавно посѣтилъ насъ «земличекъ», бывшій красноармеецъ. Дружески сидѣлъ съ нами, пилъ чай, велъ бесѣду. Говорилъ, усмѣхаясь, что теперь и отдохнуть можно:

— Мы теперь Россію зачирили, вездѣ тихо. Я самъ въ Тамбовѣ не меньше ста душъ на расходъ вывелъ...

Онъ обросъ густой и круглой красно-коричневой бородой. Круглые прозрачно-коричневые глаза стоятъ, какъ у филина. Стриженная голова имѣетъ форму гроба.

III.

...Въ началѣ апрѣля посѣтилъ въ Хамовникахъ домъ Толстого. Несмотря на блестящій день, весеннее сіяніе голыхъ деревьевъ, запахъ почекъ и сырой земли, все чатайніе тяжелое. Домъ давно не топится, въ немъ холодъ, сырость. Особенно тяжко въ тѣхъ двухъ низкихъ комнатахъ съ топорными креслами, обитыми черной кожей, очень потертой и въ складкахъ, гдѣ жилъ онъ самъ. На стѣнѣ виситъ его старая мѣховая шуба, на полу разбитый кушинъ, и старое деревянное судно, у оной стѣны столикъ съ сапожными инструментами... Все бѣдное, жалкое, слѣды жизни уже давней и забытой!

Вспоминаю Остафьево, гдѣ былъ передъ этимъ. Тамъ, въ кабинетѣ Карамзина, лежатъ подъ стекломъ кое - какіе вещи Пушкина: черный жилетъ, бѣлая бальная перчатка, оранжевая палка съ ременной кисточкой... Потомъ — восковая свѣча съ на пихлы по немъ... Смотрѣлъ — стѣсняло дыханіе. Какъ все хорошо, безжаненно и печально! Вѣкъ еще болѣе давній и потому кажущійся гораздо богаче, тоньше...

IV.

...Недавно, въ прекрасный сентябрьскій вечеръ, шелъ въ Даниловъ монастырь. Когда подходилъ, ударилъ большой колоколъ. Вотъ звукъ! Золотой, глухой, подземный... На могилѣ Гоголя таинственно и грустно свѣтилъ огонекъ неугасимой лампады и лежали свѣжіе цвѣты. Возлѣ стояли, кланялись и крестились старичекъ и старушка, очень старомодные, милые и жалкіе. И спросилъ, кто это такъ хорошо содержитъ могилу? Старичекъ отвѣтилъ: «Монахи. А вы думаете, что все погибло? Нѣтъ еще...» — затрясся и заплакалъ. Старушка взяла его подъ руку: «Пойдемъ, пойдемъ, ты совсѣмъ впалъ въ дѣтство», — и повела его, плачущаго, по дорожкамъ къ воротамъ.

V.

...Вчера весь день несло страшной вьюгой. Ночью, возвращаясь домой, думалъ, что погибну въ снѣжной пустынѣ своего переулка.

Нынче пришлось быть возлѣ Красныхъ Воротъ. Вечерѣло, было снѣжно, тихо, всюду тоска и грусть. И вспомнилъ, что тутъ гдѣ то близко, въ Хорошемъ тупикѣ, находится заговольный домъ Ивана Грознаго. Отыскалъ тупикъ, спустился немного и вошелъ въ ворота широкаго, запесеннаго снѣгомъ двора. Неожиданно открылась какая то странная глухая усадьба, и спереди и съ боковъ состоящая изъ теремовъ съ крыльцами и маленькими оконцами. Снѣгъ былъ свѣжъ и настолько глубокъ, что я по нему по колѣно. Единственный слѣдъ чьихъ то очень большихъ ногъ велъ къ главному крыльцу. Я пошелъ по слѣду, надѣясь, что въ домѣ кто нибудь есть... Тишина, ни звука, ни шороха. Но вотъ какъ - то живутъ и даже на вить не плохо, во всякомъ случаѣ лучше нашихъ. Избы прочны, ладны, стоятъ вдоль улицы ровно. Въ избахъ чистые деревянные полы, занавѣсочки на окнахъ, подъ окномъ пяльцы съ узорнымъ холстомъ, на полкѣ расчищенный самоваръ... Отъ ты всѣ довольно опрятно, дѣвки и ребята даже франтятъ и по вечерамъ гуляютъ около избъ, подъ гармонію, щеголяя изысканнымъ обращеніемъ другъ съ другомъ. Пожилые весьма сходятся съ нашими по языку, по склонности нарекать обнія мѣста, мудрыя поиплости. И, конечно, такъ же равнодушны и къ тому, что когда то было, и къ тому, что случилось, и къ тому, что есть. Надъ тѣмъ, напримѣръ, что теперь на полтора милліона можно купить всего пять фунтовъ муки, лишь усмѣхаются: покачиваютъ головами и упорно прячутъ руки въ рукава.

Москва тутъ кажется за тысячу верстъ. Я о ней слышалъ между прочимъ такое сужденье:

— Дивно, какъ еще эта Москва существуетъ!

VII.

...Іюль былъ мрачный — каждый день грозы, ливни: свинцовая чернота неба надъ жутко - бѣлѣющей Москвой, рѣжущій блескъ сургучныхъ молній и ужасающіе удары грома, отъ которыхъ звенятъ стекла. Недавно былъ такой потопъ, что мальчишки - шапирошники на Кузнецкомъ и Неглинномъ разувались и плавали. Въ тотъ день я какъ разъ опять уѣзжалъ изъ Москвы — въ гости къ однимъ знакомымъ, на дачу: вода мѣстами шла выше колесной ступицы, отъ нея кружилась голова...

Знакомые — мужъ и жена (и, какъ это ни странно по нынѣшнимъ временамъ въ нашемъ кругу, мололожены): пара вообще не совсѣмъ обычная: она женщина молодая (и очень серьезная), ему лѣтъ шестьдесятъ, хотя человѣкъ онъ очень живой, бодрый (небольшой, сухощавый, юношески легкій въ движеньяхъ); оба занимаются русской исторіей, — онъ даже знаменитъ нѣкоторыми историческими трудами. А дача — недостроенная бревенчатая изба въ небольшомъ лѣсномъ поселкѣ: всего сто верстъ отъ Москвы, но въ лѣса, въ болота, къ сѣверо - востоку, и потому край опять глухой, старинный: «чесное мѣсто, такой лѣсъ, мокрая болотина»...

Жили мы скучно, неуютно. Изба не въ поселкѣ, а какъ то сама по себѣ, на отлетѣ, на мѣстѣ недавно срубленнаго лѣса, среди пней щепы и сучьевъ. Еще безъ фундамента — только на столбахъ по угламъ, такъ что все заходилъ подъ нее чей то пѣтухъ и очень рано будилъ меня по утрамъ, оралъ подъ самой кроватью. И проснувшись, видѣлъ я только сырой лѣсъ кругомъ, пни въ густомъ молочномъ туманѣ передъ окномъ... Самоваръ, который я ставилъ среди этихъ пней, набивъ его сырымъ деревеннымъ углемъ, чмыдъ уже но, выѣдалъ глаза, не гѣлся по часу, потомъ. А вода тутъ пахнетъ ужами, хлѣбъ гнилой, зеленый...

Мужъ ходилъ къ деревенскимъ сѣверянамъ, на ногахъ носилъ лыковые бахилы. Жена одѣвалась совсѣмъ по крестьянски — то же бахилы и суровая рубаха до пятъ висящая по рукавамъ и потому красными сдонками. И отдавалась она такъ не только по необходимости: впитала въ этомъ опношеніи свой долгъ и даже радость. Молчаливая, черноглазая, она все творила о древней, мужицкой Руси, къ которой начинъ уже давно нато было возвратиться, о тонъ, что ушло, что не можетъ вернуться, о тонъ, что живетъ и будетъ жить, о тонъ, что вотъ, вотъ, — и вдругъ, — и вотъ, — и вотъ, — и вот

...ся в Москве. На холодъ не жалуюсь. Всѣ мы, слава Богу, забыть въ этомъ подаемельи, даже почти никто и не подозрѣваетъ, что я здѣсь учительъ. Не знаетъ никто и про тотъ тайный запасъ дровецъ, что остался здѣсь, въ нѣкомъ позвалочникѣ. Вотъ и топлю я снизу, какъ въ крыпѣ или катакомбѣ. Здѣсь, дастъ Богъ, невскорости и окончу свое земное существованіе. Очень сталъ хилъ и покалось. Времена опять зашли темныя, жестокія и, думаю, недолго. Какъ волна на корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ. Такъ и Россія: вся наша исторія — шагъ впередъ, два назадъ, къ своему исконному — къ дикому мужичеству, къ первобытному ковыту, къ лыковому лапти. Помните? «Было столь загажено въ кремлевскихъ палатахъ колдунами, что темнѣли на иконахъ ризы...». Таковыми палатами и стала снова Россія, оправдывающая нынѣ слово преподобнаго Исаака Сирина: «Несъ, лижущій пищу, пьетъ собственную кровь и пьетъ за радости крови своей не сознаетъ вреда себѣ...». Впрочемъ, все это вамъ и безъ меня хорошо извѣстно. Перейдемъ къ дѣлу: я весь къ вашимъ услугамъ. но чѣмъ именно могу служить?

...Весной онѣ умеръ. Въ одно изъ нашихъ послѣднихъ свиданій онъ говорилъ мнѣ:

— Знаете ли вы это чудное сказаніе? Забѣжала шакалка въ пещеру Іоанна Многострадальнаго и разбила его свѣтильникъ, стоявшій у входа. Святой, сидя ночью на полу темной пещеры, горько плакалъ, закрывшись руками: какъ, молъ, совершать теперь чинъ ночи и молитвы, чтенія? Когда же поднялъ лицо, утираясь рукавомъ, то увидѣлъ, что озаряетъ пещеру нѣкій тонкій, невѣдомо откуда струящійся свѣтъ. И такъ съ тѣхъ поръ и свѣтилъ онъ ему по ночамъ — до самой его кончины. А при кончинѣ, воспринимая его душу, нѣжно сказалъ ему Ангелъ Господень: «Это свѣтъ твоей скорби свѣтилъ тебѣ, Іоанну!».

II.

...Жизнь возобновляется, даже начинаетъ переходить въ будни. Бѣлый хлѣбъ и чай входятъ въ обычай. Опять, удивляя и радуя, отворяются лавки и магазины, кое гдѣ пошли трамваи, появились извозчики... И опять весна и даже нѣкоторыя весенніе чувства, — напримѣръ, въ какую нибудь черную, сырую ночь съ этимъ особеннымъ мартовскимъ трескомъ колесъ и цоканьемъ копытъ по мостовой, съ влажнымъ вѣтромъ въ фортку, или въ солнечный полдень, когда все течетъ, блеетъ, таетъ, а на углу Арбата, на тротуарѣ возлѣ бывшей «Праги», сидятъ и, напоминая о югѣ, дерутъ свои стихиры слѣпые старики... Вмѣстѣ съ весной стало какъ то необычно людно на главныхъ улицахъ. Народъ, впрочемъ, все больше новый. Людей прежнихъ временъ, особенно старыхъ, конечно, уже почти нѣтъ, ихъ погибло за эти годы безконечно много, а тѣ, что какъ то уцѣлѣли, странны: гдѣжъ они уцѣлѣли, гдѣжъ вылѣзли откуда то на свѣтъ Божій, какъ заморенные звѣри изъ своихъ холодныхъ норъ, — бѣлные, опухшіе, обросшіе шерстью сѣдиной, въ зимнихъ дохмотьяхъ? Вижу иногда знаменитаго пародовольца: ужасная черная шляпа (ужасные тѣхъ, что валялись прежде только на пустыняхъ, на свалкахъ), рубище солдатской шинели, грязные, мокрые опорки, связанные веревкой... Однако, очень бодръ, всегда не плетется, а бѣжитъ, такъ и сверкаетъ очками и маленькой, блаженно-изумленной улыбкой...

Я еще больше скитаюсь по Москвѣ, даже начинаю мечтать о поѣздкахъ кое-куда. Иногда не бываю дома съ утра до вечера. Отдыхаю, бѣгъ и пью гдѣ придется, въ какой нибудь чайной, пивной. Сижу, курю махорку, смотрю на соседей, слушаю разговоры и музыку. Чаще всего играютъ такое: какой нибудь зе ушей лысый сидитъ съ барыхатно-черными глазами, который, отста-

...ютъ зубы. Золотой, глухой, подземный... На могилѣ Гоголя таинственно и грустно свѣтилъ огонекъ неугасимой лампады и лежали свѣжіе цвѣты. Возлѣ стояли, кланялись и крестились старичекъ и старушка, очень старомодные, милые и жалкіе. Я спросилъ, кто это такъ хорошо содержитъ могилу? Старичекъ отвѣтилъ: «Монахи. А вы думаете, что все погибло? Нѣтъ, сіръ...» — затрясся и заплакалъ. Старушка взяла его подъ руку: «Пойдемъ, пойдемъ, ты совсѣмъ впалъ въ дѣтство», — и повела его, плачущаго, по дорожкамъ къ воротамъ.

V.

...Вчера весь день несло страшной вьюгой. Ночью, возвращаясь домой, думалъ, что погибну въ снѣжной пустынѣ своего переулка.

Нынче пришлось быть возлѣ Краснымъ Воротъ. Вечерѣло, было снѣжно, тихо, вокругъ тоска и грусть. Я вспоминалъ, что тутъ гдѣ то близко, въ Хорошемъ тупикѣ, находится загородный домъ Ивана Грознаго. Отыскалъ тупикъ, спустился немного и вошелъ въ ворота широкаго, занесеннаго снѣгомъ двора. Неожиданно открылась какая то странная глухая усадьба, и спереди и съ боковъ состоящая изъ теремовъ съ крыльцами и маленькими окошечками. Снѣгъ былъ свѣжъ и настолько глубокъ, что я то нуждъ по колѣно. Единственный слѣдъ чьихъ то очень большихъ ногъ велъ къ главному крыльцу. Я пошелъ по слѣду, надѣясь, что въ домѣ кто нибудь есть, — тамъ тень мудрый. Почнился на крыльцо — дверь оказалась заперта, хотя на ней и висѣло подъ стекломъ объявленье, что музей открытъ каждый день отъ десяти утра до пяти вечера. Я сталъ стучать — ни звука въ отвѣтъ. Откуда-то изъ за дома вышелъ мужикъ въ тепломъ картузѣ, въ длинной стеганой куртки и, не обращая на меня вниманія, пошелъ по двору. Я его окликнулъ:

— Музей открытъ?

Онъ пріостановился:

— Закрытъ. По воскресеньямъ только открытъ.

— А почему же виситъ объявленье, что открытъ каждый день?

— Да такъ виситъ, не снимаютъ...

Я пошелъ къ нему, и мы вышли изъ сѣнцъ къ крыльцу этого изъ фенцелей.

— А что, интересно въ музеѣ?

— Есть люди интересуются, говорятъ, хорошо.

— А какъ на нашему?

— Какъ то не могу понять. Не могу вамъ разъяснить. Тамъ, конечно, разное украшеніе, разная оружія, всякіе топоры, молотки... Все собирали...

Онъ легонько вздохнулъ. Но его тону можно было заключить, что онъ хотѣлъ высказать какую то болѣе глубокую мысль.

— А гдѣ же домъ самого Ивана Грозного? Сгорѣлъ и есть?

— Сгорѣлъ. На его собственную асигновку строенъ. Четыреста лѣтъ, говорятъ, стоитъ...

Онъ опять вздохнулъ:

— Да. Жили-поживали, хозяйство пріобрѣтали...

Темнѣло и опять стало бѣлѣть въ воздухѣ, опять и несло снѣжокъ на этотъ глухой общирный дворъ, на старыя, съ грубыми деревянными лѣстницами пушки, которыми обстаканенъ онъ...

VI.

...Въ іюнѣ нѣкоторое время жилъ въ Тверскомъ уѣздѣ.

Тихій и печальный край! Бѣдныя песчаныя поля, тонкіе перелески, редкіе поселки, лѣса по горизонтамъ. А не то низины, болота... Лиц тоже такіе то бѣлые, не — вдумчивые. По вечерамъ тусклое синіе луны...

Чѣмъ тутъ живутъ теперь, когда нѣтъ Москвы, московскихъ заработковъ, и всѣ снятъ дома, не понятно. Земли скудная и мало, — черноземному человѣку смо-

...ча — недостроенная бревенчатая изба въ небольшомъ лѣсномъ поселкѣ: всего сто верстъ отъ Москвы, но въ лѣса, въ болота, къ сѣверо-востоку, и потому край опять глухой, старинный: «ученое мѣсто, чинкой лѣсъ, мокрая болотина»...

Жили мы скучно, неуютно. Изба не въ поселкѣ, а какъ то сама по себѣ, на отлетѣ, на мѣстѣ недавно срубленнаго лѣса, среди пней щепы и сучьевъ. Еще безъ фундамента — только на столбахъ по угламъ, такъ что все захолчь подъ нее чей то пѣтухъ и очень рано будилъ меня по утрамъ, оралъ подъ самой кроватью. И проснувшись, вчитъ я только сырой лѣсъ кругомъ, или въ густомъ молочномъ туманѣ невѣдъ окнами... Самоваръ, который я ставилъ среди этихъ пней, набивъ его сырымъ деревяннымъ углемъ, чимилъ уже но, вчѣдъ глаза, не гнѣлся по часу, но тна. А вода тутъ пахнетъ ужами, хлѣбъ пнеей, зеленой...

Мимо ходилъ въ довоенныхъ сѣренькихъ штанишкахъ и въ мужицкой рубахѣ, на ногахъ носилъ лыковые бахилки. Жена отдѣвалась совсѣмъ по крестьянски — то же бахилки и суровая рубаха до пятъ вышитая по рукавамъ и потолу красными елочками. И отдѣвалась она такъ не только по необходимости: вчитъ въ этомъ опощеніи свой долгъ и даже радость. Мы чаливая, чевнеглаза, она все творила о древней, мужицкой Руси, къ которой нечъ уже давно надо было возвратиться, о томъ, что русскіе пути особые, непоспѣтные, что Богъ послалъ намъ великую милость — поставилъ и въ странствуютъ, какъ въ огнѣ, очиститься... Сны она вчитъ только вѣщіе, думы думала все загаточныя что таинственныя. Имѣла какого то тайнаго пастаника, духовнаго отца, старца святой жизни, собиралась пти осенью къ Серафиму Саровскому, который, по ея словамъ, пророкъ наши дни въ точности: отъ кольлось будто бы нѣкое пуконисаніе, гдѣ собраны всѣ его пророчества...

Когда я уважалъ, хозяева приводили меня до станціи. Мы шли нѣсколько верстъ лѣсомъ. День былъ сумрачный, надъ сосѣдями, надъ просѣкой, по которой мы шли, стоялись сиро-бѣлыя облака не обѣщавшія ничего доброго. И точно — какъ только мы подошли къ станціи, черной локомотивъ, уже стоящій за ней и яростно шипѣвшій изъ подъ себя бѣлымъ паромъ, тяжко сдвинулся крупнымъ дождемъ съ градомъ...

VIII.

...Нынче съ утра Москва стояла въ особенномъ солнечномъ свѣтѣ. Вышелъ на улицу — день совсѣмъ лѣтній, какъ часто бываетъ въ Москвѣ въ апрѣлѣ. Легко и съ удовольствіемъ шелъ вчизъ по Большой Дмитровкѣ, прямо на солнце, по сухому тротуару. День праздничный, на улицѣ много свободнаго и довольнаго, по весеннему отвѣтаго молодого народа съ жаворонками. На солнечномъ углу, на поворотѣ на Моховую, бодро похаживалъ и поглядывалъ обновленный малый, щеголевато покрикивалъ нижнимъ, хрипучимъ отъ дурной болѣзни голосомъ, предлагая прохожимъ сѣ брашіе сочиненій Ленина, будто бы новое и «общественное». Прохожіе усмѣхались или мимо. И вслѣдъ каждому онъ прищурилъ глаза, кривилъ ротъ и, въ бокъ ему кривая его рукой, хрипѣлъ и быстро хохоталъ: «Есть похабненькое...». Постовой грозилъ ему съ улицы пальцемъ, но тоже съ усмѣшкой. А впереди меня все время бѣжалъ мальчишка въ женскихъ разбитыхъ башмакахъ, продавая свѣжій номеръ еженедѣльнаго журнальчика, во всю первую страницу котораго изображенъ былъ Богъ-Отецъ, сидящій на облакахъ и недовольно разглядывающій сквозь громадное пенсне афишку, послѣдній совѣтскій декретъ... Я взялъ извозчика, велѣлъ везти себя на вокзалъ и на цѣлый день уѣхалъ изъ Москвы — сѣдой день прошелъ въ деревнѣ, въ одной старой, знаменитой усадьбѣ?». — «Скучно, — отвѣтилъ онъ. — Говорили, новый строй, новый строй, а на дѣлѣ все въ прежнемъ положеніи. Опять подлогъ, обманъ...». Потомъ онъ опять заперъ домъ и ушелъ къ себѣ, а я бродилъ вокругъ дома, по парку. Заглянулъ въ отдѣльно окно въ полуподвальный этажъ, — увидѣлъ сквозь желѣзную рѣшетку свѣчачую часовню, престолъ, покрытый ветхимъ зеленымъ шелкомъ, иконы престоломъ истертый бархатный коврикъ, за нимъ — золотой семисвѣшникъ и изразцовую печь... Заглянулъ въ другое: какое то подземелье, заваленное мраморными обломками, — львиными головами, урнами и плоскодонными чашами, капителями колонъ...

Ушелъ я изъ усадьбы только вечеромъ, когда мѣсяцъ уже сталъ класть въ парку легкія серебряныя ткани подъ деревьями и серебрить поляны. Ходилъ, думалъ: ночью парокъ побѣлѣетъ подъ мѣсяцемъ, чертовый домъ засвѣтится пескозь, всѣми своими пустыми, блестящими окнами...

IX.

...Въ жаркій день, въ концѣ августа, ходилъ въ село Измайлово, вотчину царя Алексѣя Михайловича. Вчѣтя за городъ, не зналъ, какой дорогой итти. Встрѣчный мужикъ сказалъ: «Это, должно быть, туда гдѣ церковка съ синимъ куполомъ». Шелъ еще долго, очень усталъ. Но весна, тепло и радость. — было упоительно хорошо. Увидалъ наконецъ древній соборъ съ зелеными главами, которыя мужикъ назвалъ синими, какъ часто называютъ мужики зеленое синимъ, увидалъ весенній сквозной лѣсъ, а въ лѣсу стѣны, древнюю башню, ворота и хомъ Іосифа, нѣжно сіявшій въ небѣ среди голыхъ деревьевъ позолотой, узорами зеленыхъ главъ, — въ небѣ, которое было особенно прекрасно отъ кое-гдѣ стоящихъ въ немъ синихъ и лазурныхъ облачковъ...

Теперь тутъ казармы имени Баумана. Плутъ какія то непостройки, что то домаютъ внутри теремовъ, изъ которыхъ вываливаются пепой клубы известковой пыли. Въ храмѣ тоже домаютъ. Окна пусты, рамы изъ нихъ вытащены, полъ заваленъ мусоромъ, и этими рамами, и битымъ стекломъ. Золотой иконостасъ кое гдѣ зіяетъ дырами — вынуты нѣкоторыя иконы. Когда я вошелъ, вообщи лицемъ навались съ полу, съ мусора, и усыпали иконостасъ по дымомъ и по выступамъ вновь пали ликами святыхъ...

А какъ знаменита была когда-то эта вотчина! Вотъ кое-что изъ одной очень старой, вѣтхой книги о ней:

«Рощи заповѣдныя. Роща цапельная, гдѣ жили цапли. Заѣшинецъ. Плодовые сады. Антоновскіе огороды. Регулярный садъ. Виноградный садъ. Волчій дворъ. Житный дворъ въ 20 житницъ. Льняной дворъ для мятія льну. Скотный дворъ, въ немъ 903 быка, 128 коровъ, 190 телицъ и 82 телята, 82 борова, 281 свинья. Конюшенный дворъ, въ немъ 701 иноходецъ, кони, кобылы и меринки. Воловій дворъ. Виноградная мельница. Пивоварни, меговарни, солодовня, маслобойня. Пчелиный дворъ, въ немъ лебеди, павлины, утки и охотничьи куры многихъ родовъ. На мукомольнѣ 7 мельницъ. Стеклянный заводъ... Церковей каменныхъ 3, деревянныхъ 2, дворовъ поповыхъ 5 и 11 причетниковъ. Вокзалъ для бластательныхъ представленій. Мостъ, мощеный дубовыми брусьями... 27 прутовъ, въ одномъ пруду, въ другомъ стояли, какъ — выемъ пруду пареные пѣвали золотыя сетрежки и кликали въ серебряные колокольчики...».

X.

...Въ августѣ ѣздилъ въ Троицкое, помѣстье Румянцева.

За станціей — не то лѣсъ, не то паркъ, дивный, старинный, дубравный. На вѣѣтъ изъ деревушки — замѣтилъ, очень странный въ сосѣствѣ съ мужицкими избами: Екатерина въ греческомъ шлемѣ и какая то богиня со змѣей вокругъ ноги, а подъ ними надпись:

...го и цѣловно пошли сюда этой орды двѣ рослыхъ монаха: одинъ — здоровый мужикъ — въ гимнастеркѣ и грубыхъ сапогахъ, въ черной шляпѣ, съ двумя русыми косами, другой въ рясѣ, — круглоликій красавецъ Алеша Поповичъ съ шелковой каштановой бородкой, съ тонкими пальцами, какъ бы налитыми масломъ женскими глазами...

XII.

...Послѣ дождей — опять свѣтлая, тихая осень. Ѣхалъ странно: заливной звонъ бантасъ, тройка... Только тройка — тонкая рухлядь, ямщикъ — въ сплошныхъ заплатахъ. И ни тоски встрѣчной за всю дорогу. Ямщикъ сказалъ:

— Теперь все пошло на старый жребій! Въ монастыкѣ Саввы соборъ 14 вѣка, теперь всѣми забытый. Поднялся на крутую гору, на Старое горотище. Тамъ тоже древняя церковь — отнюдь бѣлѣетъ на укѣпленіи. Вѣковыя громадныя сосны. Богомъ ясная и четкая пустота полей и лѣсовъ, солнечная теплая колкость...

XIII.

...Суздальскія земли грустны даже лѣтомъ. Лѣсистые холмы, рѣка. Краски — зеленыя, лиловыя, синія — очень густы и нерѣзвы.

Нынче къ вечеру небо на закатѣ обложилось непогожими тучами, но рѣкѣ полыхала кирпичная рябь. Какіе то мужчинки выболовы, вышлы на рѣку, стоя и на чаякъ, наклонясь въ своихъ лодбленыхъ челнахъ, вытаскивали бредни. Я долго смотрѣлъ на одного изъ нихъ, качавшаго свою чемъ человѣку, на его кривыя ноги на изломанное лицо съ сѣдой просѣлью подъ разметнымъ тенлымъ картузомъ, на лиловую сатинову рубашечку и вилый жилетъ... Вотъ они, сознатели, зиждители суздальскихъ обителей!

Въ одной изъ этихъ обителей мнѣ показалась рукопись древняго монаха: «Замѣтальныя лѣтописи созерцаній». Въ ней есть такія строки:

О, жилище нечитежное ближнихъ моихъ друзей!
Мирное обиталище всѣхъ утрудшихъ въ ней!
Вентоградъ пустынный, краснѣйшій Эдемъ!
Небурное пристанище, юдоль, сладкая всѣмъ!

Вечерами въ городѣ великая ѣздная глушь. Долго не темнѣетъ, безконечно стоитъ тусклосиній сумракъ въ пустыхъ и широкихъ улицахъ безъ единаго фонаря. Медленно бьютъ часы въ монастырѣ... для кого? Городъ точно вымеръ. Лежатся спать съ вечера — цѣлая вѣчность до утра! Мой сосѣдъ по жесткому дивану на постояломъ дворѣ, какой то мѣщанинъ, который спитъ, не раздѣваясь и не разуваясь, всю ночь страшно скрипитъ зубами — точно новыми сапогами...

Вчѣдъ одного мѣстнаго изчетчика. Онъ въ подлевкѣ, несказанно шаткій и высокій, съ бѣлыми — синими глазами. Пользуется большой славой. За нимъ пріѣзжаютъ изъ деревень, возятъ его на религіозные дипутаты. Священное Писаніе знаетъ наизусть. Говоритъ очень грозно, убѣжденно, сосредоточенно — и не позволяетъ сказать въ отвѣтъ себѣ ни одного слова. Мужики пмъ восхищаются:

— Какіе ученые люди ни пріѣзжали — не гожаются. Никуда! А какой мелкій пріѣдетъ, съ двухъ словъ забѣетъ — и шабашъ!

XIV.

...На Волгѣ посѣтилъ Макавьевъ или монастырь. Нанялъ лодку. Рыжій мужикъ несильно вороча веслами, стоя въ ней, и по зеркальной, тихой водѣ подвелъ ее къ самому монастырю, къ его древнимъ стѣнамъ, изъ за которыхъ глядѣли главы шести соборовъ. Во соборахъ все какъ было, чуть не тысячу лѣтъ тому назадъ — незапамятная и нерушимая Русь: черные

MATOSSIAN

Египетскія папиросы.
«Special» — 20 штукъ **6,60**
«Standard» — 20 штукъ **10 фр.**
Качество и цѣна единственныя въ мірѣ
Требуйте штемпель Египетскаго правительства на каждой коробкѣ.
единственную гарантію подлиннаго производства.

Ив. Бунинъ.

1930 г.
Приморск. Альпы.